

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА 1970-х ГОДОВ

(Ю.Линник, Б.Чулков, С.Чухин, О.Мишин, В.Устинов)

ОТ РЕДАКЦИИ.

**Доктор филологических наук Ю.И.Дюжев
завершил работу над монографией**

**«История русской поэзии
Европейского Севера второй половины
XX века» (1950–1970-е годы).**

**Два раздела этой рукописи,
посвященные творчеству
Николая Рубцова и Владимира Морозова,
ранее были напечатаны
на страницах журнала «Север».**

**Ниже публикуется глава,
посвященная яркому и сложному явлению
в русской поэзии Севера 1970-х годов –
философской лирике.**

**Исследователь рассматривает
творчество пяти поэтов Русского Севера,
их философскую систему
взглядов на мир и человека.**

Верность традициям и стремление к их углублению и обогащению было характерно и для другого вологжанина – поэта Сергея Чухина, чей философский характер творчества стал очевиден после выхода в свет в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», книги стихов «Дни покоя». В предисловии к сборнику Виктор Коротаев назвал своего земляка «очарованным странником» за ярко выраженную любовь к русскому народу, Родине. Он отметил «непосредственную и доверительную» интонацию стихов С. Чухина, строгость их композиционного построения, а главное – сыновнюю привязанность автора к родной северной земле и ее природе и понимание, что «всегда и превыше всех достоинств ценилась в народе душа человека».

С. Чухин не случайно был назван «очарованным странником», по аналогии с «очарованной душой» героини одноименного романа Р. Роллана. Есть нечто общее и в позиции двух писателей к задачам литературного творчества. «Обычно принято писать историю событий человеческой жизни, – говорил Р. Роллан. – Это глубоко ошибочно. Истинная жизнь – жизнь внутренняя». Эти слова могут быть и ключом к творчеству С. Чухина. Его лирические стихи, как и роман Р. Роллана, – это повествование о духовном мире одного че-

ловека, о его жизни, прожитой в согласии с совестью, богатой радостями и печалью, не свободной от противоречий «и вечно стремящейся не к Истине, ибо она недоступна, а к внутренней гармонии, которая и есть высшая Истина».

Стремлением к внутренней гармонии объясняется и название книги С. Чухина – «Дни покоя». Ее лирический герой в непрерывном процессе духовного творчества уже обрел способность владеть своими чувствами, обуздывать бурлящие в его душе подспудные силы. Река его внутренней жизни в момент работы над книгой обрела тихое и раздольное течение. Беспокойный огонь юношеских порывов страсти, мечтаний и грез теперь горит ровно и спокойно. Любовное начало, не признававшее границ дозволенного и недозволенного, успокоилось после обретения семьи. Настало время оглядеться вокруг, отдать добро своей души и нежность не только близким, но и незнакомым людям, понять их радости и страдания, разделить с ними родившееся в душе светлое восприятие красоты природы и прекрасной гармонии мира.

Счастлирое мироощущение не покидает героя стихотворения «Благословенны дни покоя...» и когда он остается в одиночестве. Ему «милы, безоблачны, близки / и эти лодки на приколе, / и всплески мягкие реки». Он чувствует непрерывную и кровную связь с остальным миром и благословляет цветущую вокруг него жизнь как высшую радость:

*Вода, пронизанная светом
(Она теплей под вечера),
Рыбак, пришедший за советом, –
Полны приветов и добра.*

*И ветер, облетая сушу,
Незримо, но наверняка
В людей свою вдыхает душу,
Как в дерева. Как в облака²¹.*

«Прекрасен воздуха настоль», «раздольно и широко» пылает «божественный закат», – и очарованный этой красотой лирический герой стихотворения «Прошла машина, тяжело дыша...» лишь одного хочет – продлить эти минуты счастья («Угломнись, веселая душа!.. Притихни поскорей... Я предаюсь нежданному покою»). Умиротворенность настроения героя была настолько необычной для поэзии тех лет, что критики Игорь Шайтанов и Марина Птушкина поставили в вину автору книги «Дни покоя» (признав, что С. Чухин «умеет сказать

о том, что он видит, что открывается его взору») «эмоциональную отрешенность, с которой поэт перечисляет родные красоты». Они выражали удивление отсутствием в его стихах «трагедии разлада с природой», «созвучием его души всеобщему гармоническому хору»²².

В этих оценках звучало недоверие к позиции поэта, в стихах которого бытие уставшего от постоянных реформ и неопределенности человека преломлялось через любящее и все понимающее сердце автора. Поэт от всего сердца желал людям «здоровья и добра» (стихотворение «По земле кочую...»), советовал «тихой радостью осенней запастись впрок» («Колокольчики, ромашки, дикий клевер луговой...»), чаще пользоваться «простыми словами любви» («Широкие темные рощи...»), «радоваться радости друг друга, / как радуемся солнцу и реке» («Нам по душе погожие деньки...»).

Живя в разделенном и обособленном обществе, С. Чухин мечтал привнести в него своей поэзией любовь и добро, чтобы люди не слышали «бессонной ночи жалобный язык», чтоб не только от любимой жены, но и от всех живущих на земле «отступили страхи / за мир и лад, / за близких и родных». В душе поэта безраздельно сливалось ощущение личной гармонии с желанием сделать лучше мир людей: «Мне так бы всех / согреть хотелось их!» Он готов сделать выбор – посвятить жизнь счастью людей, попытаться направить души человеческие по пути любви и добра:

*И вдруг меня сомнение охватит,
И я встаю в волненьи, –
Как же быть...
Чтоб целый мир согреть,
Души не хватит,
А между тем
Ее должно хватить.
(«На улице, наверно, застывает...»)*

Можно было ожидать, что атмосфера очарованности жизни, пронизывавшая книгу «Дни покоя», будет определять «духоподъемное» настроение опубликованного через год сборника стихов С. Чухина «Дым разлуки» (Вологда, 1974). И это ожидание оправдалось, но только в отношении тех девяти стихотворений, которые ранее печатались в московском сборнике. Что же касается остального содержания новой книги стихов, то «здесь начинает меняться и характер лирического героя, и характер поэзии. Уже не все кажется спокойным в этом спокойней-

вать» («Опять, опять весну припомнил прежнюю...»). Он чувствует себя «белой вороной / между слишком бойкими людьми» («Выгляжу как белая ворона...»), особенно после смерти верного друга, каким был для него Николай Рубцов с его «милою негромкою гитарой» («Кони пронеслись дорогой старой...»).

Отсюда особый интерес к описанию осени в пейзажной лирике, камертоном которой является печальная нота утраты солнечного лета и ожидания холодов (стихотворения «Стужа на душе и непогода...», «Во мглу и дождь погружена округа...», «Да что такое происходит с небом...», «Листва осенняя сопрела...»). Описание осеннего увядания природы и печали в человеческой душе сочетается в них с темой воспоминаний, восстановлением утраченного прошлого в памяти героя и в то же время несет в себе определенную надежду на обретение творческих сил и вдохновения:

*А особенно поздними в дальней дороге ночами,
Когда слабый огонь вдруг мелькнет
в осязаемой мгле,
Можно сил почерпнуть даже
в горькой осенней печали,
Если ты на родной и пускай неуютной земле.
(«Сколько грязи опять и осеннего холода столько...»)*

Итожа свои впечатления от книг С. Чухина «Дни покоя» и «Дым разлуки», земляк поэта критик В.Оботуров высоко оценил свойственную поэту душевную открытость и чуткость, способность улавливать и передавать в слове прихотливую изменчивость настроений. Он отметил появившееся с возрастом в поэзии С. Чухина желание преодолеть односторонность представлений и за внешним благополучием жизни увидеть ее сложность и драматизм. По его мнению, поэт «возвращается к себе, настоящему», преодолевая влияние Н. Рубцова и обретая «гражданское самоопределение»²⁶.

Очередная книга С. Чухина «Осенний перелет» (Архангельск, 1979) прочно связана общими темами, цепью ассоциаций, соотношением материала и манеры повествования со стихами из предыдущего сборника автора «Дым разлуки». Со временем все сильнее проявляется в творчестве С. Чухина отказ принять существующую действительность, пойти с ней на компромисс и совместить ее с романтическими ожиданиями юности. В нем все более слабнет уверенность в надежности мира социализма, в рационалистической его упорядоченности. Он подвергает сомнению челове-

ческие отношения, общественные и моральные устои. Лирический герой стихотворения «Мне тяжело...» испытывает душевную боль от конфликта между своими представлениями о мире и объективной реальностью: «Мне тяжело, / когда верно привычке / вокруг снует холодное жулье / и подбирает / разные отмычки / к моей душе, чтобы взломать ее»²⁷. Разочарование тривиальностью современной действительности ведет героя к прославлению (в духе Руссо) исцелительной силы живой природы: «Мне тяжело, / и я спешу забиться / в лесную глушь / и полевую тишь». Но даже в момент сильной напряженности переживаний герой поэзии С. Чухина не замыкает свой внутренний мир, не концентрирует сознание на одном пункте – своих горестях, а включает в них размышления гражданского звучания, которые многие объясняют в причинах всего происходящего: «Как птица к небу и как пахарь к полю, / так и я / привязан к родине своей.../ Мне тяжело...Ну а кому легко?»

По-прежнему для С. Чухина основная цель поэзии – самовыражение. В каждом стихотворении он стремится к возможно более полному раскрытию собственного «я». Как правило, его стихи написаны от первого лица и тщательно фиксируют малейшие движения души. В поэзии С. Чухина постоянно обнаруживаются автобиографические элементы. Лирический герой стихотворений выражает авторскую позицию в своей борьбе за гуманизм и справедливость, против порочности общества, которое уничтожает индивидуальность. Но он слишком слаб, чтобы преодолеть несправедливость. Отсюда в стихотворении «Полжизни прожил...», с одной стороны, преобладающий в оценке своих возможностей пессимизм, а с другой стороны – обличительные мотивы в адрес «умеющих жить» людей: «Полжизни прожил, / не умея жить. / Со мной всегда / семь пятниц на неделе! / Мне предлагают / опыт одолжить / те, что имеют опыт / в этом деле. Один / ходить умеет по кривой, / другой / полезные знакомства копит.../ Но как непросто / быть самим собой, перенимая / столь холодный опыт».

Если в стихах о природе из книги «Дни покоя» размер длинных строк выступал в своей основной, упорядочивающей роли, способствовал повышению эмоциональности и музыкальности речи, то в стихотворении «Полжизни прожил...» происходит интонационный сдвиг. Членение на иные стиховые (метрические) единицы динамизирует речь взволнованного и возмущенного до

глубины души героя, который словно с трудом выдавливает из себя с короткими передышками одно-два слова. Пластичность формы уступает содержанию.

«Да, подошли такие годы – / стою на новом рубеже», – такими строками открывается первое стихотворение книги «Осенний перелет» как обещание поэта преодолеть власть пассивного страдания, и не только вынести все жизненные невзгоды, но и найти новые источники творческого вдохновения, обрести надежду на возрождение и изменение общества. В стихотворении «Мама жизнь прожила...» герой вспоминает ее «грустный, понимающий взгляд», а рядом с этой труженицей мысленно видит других простых людей, что живут в «соседнем широком бараке» в нехватках и бедности, но работают, растят детей, переживают за Отчизну: «И сливаются вновь / у меня / пожелания / «Доброй вам ночи!» / С пожеланьями / доброго дня...»

В поисках чувства уверенности, убежденности, эмоциональной ценности С. Чухин стихотворение «Все увидел: и горе, и негу...» посвящает «памяти отца» и заканчивает его напоминанием своим ровесникам о долге перед жизнью, «чтобы детям ее уготовить / лучше / , чем уготована нам». В стихотворениях «Люди вынули зимние рамы...» и «Вечеровые птицы отпели...» перед взором поэта вновь появляется образ его мамы, защитницы и оберегательницы семейного покоя («Дорогая моя, золотая, / были б крылья – к тебе прилетел»), вспоминается напев ее колыбельной, «тот, что сыновним песням основа».

Духовную поддержку С. Чухину «на новом рубеже» его творческой жизни незримо оказывал Николай Рубцов (в стихотворении «Не нарушим твоей тишины...» вспоминаются его «голубиные строки» и «дружеское добро», которым он щедро одаривал людей). С благодарностью вспоминает С. Чухин в стихотворении «Столько зелени на островах...» гостевание у друга Вадима Кузнецова в «заветную осень», где он «жил, всему удивляясь, / в бескорыстном купаясь тепле», и выражая радость бытия простыми словами: «До чего хорошо на земле!»

Немного нужно С. Чухину, чтобы ощутить счастье жизни в родной стране. В стихотворении «Ах, опять на равнинах безбрежных...» поэт предлагает внимательней взглянуть в наивную, скромную прелесть взошедших «из глубин изумрудной земли» «одуванчиков нежных», в похोжие на «голубые глаза младенца» незабудки, в причудливый золотистый узор калужниц, в «зоровые

цветы иван-чая»: «Это все нам не даром дается: / и луга, и святые цветы... / Это все, что в России зовется / человеческим счастьем!»

С. Чухин пытается отыскать какую-то точку опоры в бесконечном движении бытия и все чаще начинает осознавать время как гармоничную последовательность смены времен года, признавать нераздельное существование мира вечного и мира сиюминутного и осознавать себя частицей вечности, словно понимая, что жить ему осталось шесть лет. Предчувствием неизбежного исхода проникнуто стихотворение С. Чухина «Подвигаюсь к вечному порогу», в котором поэт прощается с «теплыми» соснами сада, с голубой ивой, с «реченькой родной», у которой он просит «на прощанье» наплескать пригоршню водицы:

*Так я все люблю! И даже жутко,
Что в последний раз отметит взгляд,
Как в сырой канаве незабудки
Рядом с маргаритками стоят.
И всему земному мирозданью,
Где цветет и золотится май,
Каждый день шепчу я: «До свиданья...»,
Каждый день боюсь сказать: «Прощай...»*

«В талантливости его светится загадочная простота, – писал Александр Романов. – Он всегда дождался, по его выражению, «ноля часов», то есть самых первородных творческих моментов, когда сквозь замутненность пережитого проясняется забрезжившая истина, как вновь обретаемый опыт. Вот из понимания этих вещей и копилось в Сергее Валентиновиче мастерство сжатого – до искр – поэтического уплотнения»²⁸.